

Ольга Балла

Иножизния Тура Ульвена

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_266

Ульвен Т. Расщепление: Роман /

Пер. с норвежского Н. Ставрогиной под ред. С. Снытко.

М.: Носорог, 2020. — 128 с.

Вообще Тура Ульвена (1953—1995) — поэта, эссеиста, переводчика, одного из значительнейших авторов в Скандинавии, вполне можно считать открытием (очередной раз имеющим шанс случиться) для русского читателя. Он довольно неплохо переводился и издавался в здешней бумажной и электронной периодике, больше десяти лет назад в Чебоксарах вышло его поэтическое «Избранное»¹ (чувашиско-русская билингва), а в «Живом журнале», поросшем, увы, густой травой забвения, на протяжении целых пяти лет — 2009—2014 — существовало целое посвященное ему сообщество², двадцать шесть записей в котором почти исключительно переводы из Ульвена да единственная, со-

всем небольшая, рецензия — Данилы Давыдова — на то самое «Избранное». Однако упорно создается впечатление, что он у нас по существу и не прочитан: кроме коротенького отзыва Давыдова, который скорее подбирает общую формулу текстам Ульвена и его поэтической позиции³, чем анализирует все это, доселе на русского Ульвена была написана, кажется, одна-единственная рецензия — Виктора Анисимова, на то же «Расщепление»⁴; других, по крайней мере, обнаружить не удалось. Всякий раз его открывают, как впервые. Конечно, мы попытаемся сделать это еще раз; но с самого начала стоит сказать, что Ульвен (по крайней мере, в своем прозаическом облике) менее всего экспериментатор, эпатирующий почтенную публику, ищущий — ради, например, освежения восприятия — новых форм, ломающий инерции и взрывающий основы. Напротив, все, что он писал — и «Расщепление», единственная его крупная проза, в частности, если не в особенности, — именно и исключительно об основах: об основах человеческого существования. Об антропологических константах.

- 1 Ульвен Т. Избранное: Стихи / Пер. с норв. И. Трера и Д. Воробьева при участии М. Ньюдала и Г. Вэрнесса. Кноппарп; Чебоксары: Ariel, 2010.
- 2 <https://tor-ulven.livejournal.com/profile>.
- 3 «Ульвен — поэт созерцания, поэт умолчаний, парадоксальным образом весьма четко демонстрируемых» (https://tor-ulven.livejournal.com/#post-tor_ulven-5377).
- 4 Анисимов В. Нащупать переключатель темноты // Прочтение. 2021. 13 января (<https://prochtenie.org/reviews/30447>).

Сам Ульвен — в своем единственном за всю жизнь интервью (кстати, переведившемся на русский⁵) — говорил, что персонажей в книге целых пятнадцать. Хм. Да, несколько разных жизней, разных биографий, эмоциональных и телесных обстоятельств там действительно представлены (по моим подсчетам всего-то три; кстати, между собою очень даже связанных; но так ли важно, сколько именно, тем более что границы между ними незаметны и переходы от одной к другой совершенно нечувствительны, то есть — каждая из этих жизней в любой момент может стать другой, и это неспроста, неспроста), но голос... голос один. Потому что жизнь на самом деле — одна. И это она, единственная жизнь, претерпевает расщепление, пытаясь преодолеть свою единственность, конечность и связанную с ними безысходность. Она старается прорыть внутри себя, в воображении старого, примерно девяностолетнего, человека с вырезанной гортанью, новые русла.

«...Теперь он вновь различает успокаивающий металлический дух ружейного масла; само ружье стоит, как обычно, у кровати на расстоянии вытянутой руки, заряженное, как обычно. Он подготовлен. Одно плохо — патроны эти всего-то в два раза моложе его самого, то есть лет им уже сорок с лишним. Быть может, пора раскошелиться на новые. Но если он ими не воспользуется, то и радости от них никакой, а значит, деньги будут пущены на ветер» (с. 5).

Так все начинается.

Этот единственный герой, достигший, похоже, пределов собственного существования, явно — и, несомненно, давно, те самые «сорок с лишним» лет подряд — рассматривает как выход из своих тупиков самоубийство (этим выходом в конце концов воспользовался и сам автор, покончивший с собой на сорок втором году), но до самого конца книги так и не предпринимает его. Зато предпринимает другое: движется по своей жизни вспять, нащупывая точки ветвления разных ее возможных вариантов. Расширяет свое сокращающееся жизненное пространство — внутрь.

Сначала вспоминает: восстанавливает утраченные моменты своей жизни, начиная с относительно недавних — десятилетней примерно давности. Восстанавливает их тщательно, в живых чувственных подробностях — возвращает им полноту сиюминутности. «Он помнит, как был на море в последний раз, лет десять тому назад, он тогда еще кое-что заметил (острота зрения будто компенсировала ему отсутствие гортани), поначалу этот предмет смахивал на бутылку (с письмом?), потом на портсигар, подгоняемый ветром с моря, но в итоге оказался всего-навсего бруском, обточенной деревяшкой, которая в конце концов прибилась к берегу и осталась покачиваться на волнах, ударяясь о камни у воды: не принеся никакого послания, гладкая, без малейших следов от выпилившего ее инструмента. Он помнит, как отрадно было сидеть и наблюдать за этой пустяковиной, дрейфующей к берегу, будто надо лишь подождать — и что-нибудь да приплывет, пусть бессмысленное, незначительное, но все-таки хоть деревяшку — а принесет, прибудет, пригонит, нужно только дожждаться, думает он, да это же он сам, он и есть брусок, стучащий о прибрежные камни тем летним днем десять лет назад» (с. 6).

Ветвление, уклонение в иножизния начнется потом, и очень не сразу — какое-то время в воспоминании-воображении герою явно будет являться его

5 Ульвен Т. Интервью // TextOnly. 2014. № 42 (2) (<http://textonly.ru/case/?issue=42&article=38859>).

собственная, уже прожитая, жизнь («жабье бульканье и кваканье» человека без гортани, которое у него вместо голоса, испугавшее продавщицу в кафе, — явно из этой исходной жизни). Однако стоит обратить внимание, что в качестве своей возможности это ветвление намечается уже практически одновременно с первым воспоминанием. Прежде чем вспомнить свою последнюю встречу с морем десять лет назад, герой бродит воображением по тому, что могло бы быть — вот сейчас, по совсем близкой, совсем возможной альтернативной реальности: «Он мог бы пойти к морю. Жалеет ли он, что не пошел? Он не знает. Наверное, купил бы в киоске пачку печенья с начинкой (только его надо слегка размачивать во рту) и бутылку газировки, потом долго и с трудом спускался бы к пляжу, где уселся бы на траве и, отложив трости с курткой и засучив рукава рубашки, ел печенье и потягивал газировку, не спеша, с наслаждением, глядя на набегающие волны и чувствуя ветер в волосах или, вернее, на лысине, запах соли, йода и прелых водорослей» (с. 6). Память и воображение с самого начала заявляют тут о своем глубоком родстве — до едва-различимости. До неразличимости вообще.

Поэтому путешествие в несбывшееся начинается одним движением с прыжком в прошлое, может быть — к одной из возможных точек ветвления: «Нет. На брусок в воде он глядел десять лет назад. Или семьдесят три года назад. На пляже. Его рука скользнула вверх по ее бедрам, под платье, и так далее, нет, не то, думает он, но он видел, как отблески от яхты пляшут в ветвях и листве, пропадают на мгновение и появляются вновь, нестерпимо медленно, и чуял едкий запах горелых сосисок, плывший от разведенного выше по течению костра (от которого к тому времени осталась лишь тлеющая груда красно-оранжевых головешек, откуда иногда с треском вылетал сноп вьющихся искр), и он рад, что все это в прошлом» (с. 6—7).

Ни в одной из созданных героем внутри себя альтернативных жизней, правда, ничего утешительного не обнаруживается (и не удивительно: Ульвен не был бы Ульвеном, если бы видел иначе; у него вообще вполне безутешный взгляд на удел человеческий). Напротив, всякий раз обнаруживается того или иного рода ущерб (в одном из вариантов герой вообще безногий калека, совершенно беспомощный без женщины, которая оставила его, уйдя неизвестно куда). В этом смысле главный (точнее было бы, пожалуй, — исходный) герой, сколько бы ни измышлял иные варианты себя, — безусловно честен. Он не склонен обольщаться.

«Вся его жизнь пошла насмарку», — пересказывает автор внутреннюю речь героя. — «Если бы он никогда не родился, ничего бы не изменилось» (с. 125). В конце повествования герой приходит, кажется, к тому, что ничего не изменилось бы и в случае, если бы он прожил другую жизнь, много других жизней. Жизнь — это нечто по определению обреченное на поражение.

Кстати: «экспериментальность» взгляда Ульвена-прозаика на осмысляемое им вещество жизни, которая тоже упоминалась немногочисленными его русскими рецензентами, видится сильно преувеличенной. В своем единственном большом прозаическом произведении Ульвен вполне традиционен: ближайший его предшественник и наставник — Марсель Пруст с его пристальным вглядыванием в ткань реальности, в мельчайшие ее волокна и в неотделимый от нее процесс восприятия, с его острым чувством самоценности каждого момента; как и у Пруста, чувственные впечатления (переданные совершенно реалистически, до гипнотизма), попавшие в поле восприятия как бы случайные

предметы уводят героя Ульвена в иные точки времени-и-пространства; не говоря уж о том, что и ведущая идея здесь совершенно прустовская: поиски — и тщательное воссоздание — утраченного или так и не обретенного (велика ли разница?) времени, воля к тому, чтобы все-таки прожить его, отнять у небытия. Проживающий свои инобиографии герой Ульвена отнимает таким образом у небытия отдельные ситуации, состоящие сплошь из ближайших чувственных впечатлений — и тем более убедительные и живые. Свое реальное и возможное прошлое он мыслит не столько линиями, сколько пятнами, образующими некоторый пунктир.

Родство Ульвена с Прустом уловил и Виктор Анисимов: «Все выглядит так, — говорит он, — как если бы Пруст страдал диссоциативным расстройством идентичности и написал о поисках утраченного времени сквозь призму расщепления»⁶. Ну, для того, чтобы проживать в воображении иные варианты себя, чтобы иметь в них потребность, не смиряясь с собственной ограниченностью и конечностью, никакое диссоциативное расстройство личности — никакая патология вообще — не требуется; что же до «расщепления», то оно взялось в русском тексте исключительно благодаря переводчику (причем не Нине Ставрогиной, а Дмитрию Воробьеву, переводившему стихи для русско-чувашского «Избранного», в котором роман упоминается под таким именно названием). То есть это ход русского читательского/переводческого воображения, запускающий это воображение по плодотворным, но собственным путям. Да, находка прекрасная, так сказать самоигральная, — однако исходное значение норвежского «*avløsning*» всего лишь «смена», а кроме того, еще и «отпущение грехов»⁷, то есть смыслов разрушения, травмы, патологии в нем нет.

Тем более что время в этой истории, сколько бы ни ветвилось, развивается, подобно классическому романному времени, линейно (даже притом что это, как мы заметили, не столько линии, сколько пунктиры), по прямой, — или, вернее, по такой хитрой прямой, которая в конце концов оборачивается кругом: описав громадный круг по нескольким жизням, повествование возвращается в исходную точку, и герой снова обнаруживает себя в той же комнате, из которой некогда двинулся в свое внутреннее странствие, к тому же ружью, которое у кровати терпеливо ждет своего предполагаемого использования, в ту же самую ночь. «...Он будет лежать и читать об этом перед сном, в духоте летней ночи. Ружье стоит у кровати. Он подготовлен. Он зажигает ночник на прикроватном столике. Свет лампочки зловеще, прерывисто дрожит, будто вместо нитей накала в ней один или несколько светлячков, мечущихся перед смертью: почти гаснет, вспыхивает, снова съезживается, разгорается и, лихорадочно помигав напоследок, окончательно гаснет. Придется сегодня обойтись без чтения. Лампочку можно поменять завтра» (с. 125–126).

Сколько бы обликов герой ни приобретал, он проходит через разные свои возрастные состояния — на которые автор не забывает указывать — вполне последовательно, пока не вернется к своей исходной, хорошо обжитой, безнадежной старости — которую набирал, наращивал в разных жизнях — разными путями.

6 Анисимов В. Нащупать переключатель темноты (<https://prochtenie.org/reviews/30447>).

7 <http://norsk.dicts.aulismedia.com/>.

В каком-то смысле можно сказать, что времени тут два: ближайшее, сиюминутное и очень типично устроенное биографическое. Большого исторического времени тут нет: в этом масштабе Ульвен происходящего не рассматривает.

И совершенно неспроста у героя ни в одном из его вариантов нет имени — как нет и других социальных координат: профессии и рода занятий, этнической принадлежности, политической позиции — что там еще бывает?.. Семейные отношения в одной из жизней мелькнут, но, кажется, лишь затем, чтобы своей неудачностью подчеркнуть одиночество героя. На то, что дело происходит волею слепого случая в Норвегии, указывает разве что только мимоходом упомянутый форикол «тошнотворной склизкой консистенции, с жесткими кусками хрящеватого мяса и плотными горошинами перца» (с. 10—11), — «традиционное норвежское блюдо, — поясняет переводчик, — ягнятина, тушенная с капустой, черным перцем и пшеничной мукой» (с. 10), — на место этого форикола читатель волен подставить что угодно, более близкое — сопоставимо противное — лично ему. Ульвена-прозаика занимает существование как таковое, очищенное от этих условностей, его физиологический факт, единственное всякий раз соприкосновение человека и мира. Говорю же — антропологические константы. Время, возраст, эрос, жизнь, смерть.